

Е. П. Сергун*

«Сепаратизм» как возможный состав преступления в российском уголовном праве

В действующем российском уголовном законодательстве отсутствует норма, предусматривающая простой состав преступления сепаратистской направленности. Существующая ст. 279 «Вооруженный мятеж» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за организацию вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо *нарушения территориальной целостности Российской Федерации*. Однако, несмотря на упоминание законодателем цели нарушения территориальной целостности (федеративного устройства) Российской Федерации в качестве альтернативного признака субъективной стороны данного состава преступления, его диспозиция не раскрывает сущности затронутого нами политико-правового феномена — *сепаратизма*.

Если углубиться в уголовно-правовой анализ отмеченной нормы, то выяснится, что ст. 279 УК РФ вызывает и другие вопросы. Так, учитывая, что ст. 278 УК РФ устанавливает ответственность за действия, направленные на *насильственное изменение конституционного строя*, а ст. 279 УК РФ — за организацию

* Докторант кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук.

вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или *насильственного изменения конституционного строя*, складывается впечатление, что ст. 279 УК РФ выступает квалифицированным составом преступления по отношению к насильственному захвату или насильственному удержанию власти (ст. 278 УК РФ), что, однако, не соответствует действительности ввиду того, что ст. 278 и 279 УК РФ имеют одинаковые санкции. Принимая во внимание наличие ст. 212 «Массовые беспорядки» УК РФ, считаем, что ст. 279 УК РФ является лишней в уголовном законе, так как в части посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации она не криминализирует принципиально новых деяний, в то время как «организация вооруженных мятежников» и без этого способна подлежать независимой квалификации (например, по ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» УК РФ).

Таким образом, единственным весомым, на наш взгляд, аргументом в пользу сохранения ст. 279 УК РФ может быть уголовно-правовая трансформация вооруженного мятежа в *преступление сепаратистской направленности*, т. е. закрепление в уголовном законе действительно самостоятельного состава преступления, субъективная сторона которого отличалась бы исключительной целью, состоящей в нарушении территориальной целостности Российской Федерации. Итак, изложим и проанализируем проектируемую норму российского уголовного права.

Статья 279.1. Сепаратизм

1. Действия, направленные на осуществление выхода субъекта Российской Федерации или его части из состава Российской Федерации в нарушение территориальной целостности государства, не обусловленные намеренным попранием Российской Федерацией конституционных и общепризнанных на международном публично-правовом уровне принципов равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории Российской Федерации, — наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Те же действия, сопряженные с организацией вооруженного мятежа либо активным участием в нем, а равно совершаемые с применением насилия или угрозой его применения, — наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Примечание. Сецессия, совершаемая в антиконституционных, т. е. антилиберальных, антидемократических целях, по смыслу настоящей статьи признается сепаратизмом.

Универсальное примечание к ст. 275 УК РФ справедливо дополнить указанием на то, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 279.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению нанесения дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Родовой (специальный) объект преступлений, предусмотренных предложенной ст. 279.1 УК РФ, исходя из системы Особенной части российского уголовного закона, — государственная власть (разд. X «Преступления против государственной власти» УК РФ). Однако, на наш взгляд, более правильно было бы понимать под ним общественные отношения, складывающиеся в сфере

обеспечения безопасности демократического правового государства, которым согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (далее — Конституция РФ) является Российская Федерация.

Видовой объект сепаратизма можно обозначить как общественные отношения, обеспечивающие постоянство физической (материальной) структуры либерально-демократического¹ государства. В контексте рекомендуемой нами формулировки названия *гл. 29 «Преступления против либерально-демократических основ конституционного строя и иные антигосударственные преступления» УК РФ* это деяние должно будет относиться к числу «иных антигосударственных преступлений», поскольку прямо не посягает на правовую (нематериальную) структуру Российской Федерации. Однако стоит учитывать, что на практике сепаратизм может носить как *неконституционный* (например, «подогретый» антироссийскими, русофобскими и т. п. настроениями), так и *антиконституционный* (т. е. антилиберальный, антидемократический и, соответственно, враждебный не только по отношению к России, но и к иным демократическим правовым государствам) характер, что, впрочем, на его уголовно-правовую квалификацию не влияет.

Основной непосредственный объект преступлений, предусмотренных обеими частями ст. 279.1 УК РФ, логично сформулировать как общественные отношения, обеспечивающие принцип целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации (ч. 3 ст. 4 Конституции РФ), а точнее сказать, не допускающие произвольную (т. е. не имеющую международно-правовых и конституционно-правовых оснований) сецессию — выход субъекта Российской Федерации или части его территории из состава Российской Федерации.

Дополнительный непосредственный объект свойственен деяниям, предусмотренным ч. 2 ст. 279.1 УК РФ. Под ним, в зависимости от фактических обстоятельств совершения преступления, следует понимать не только жизнь и здоровье человека, но также любые иные охраняемые уголовным законом общественные отношения и блага (социальные ценности), посягательство на которые подразумевает применение физического или психического насилия.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 279.1 УК РФ, состоит в совершении действий, направленных на осуществление выхода субъекта Российской Федерации или его части из состава Российской Федерации в нарушение территориальной целостности государства. Однако, полагаем, что принятия конкретными лицами каких-либо мер по реализации сецессии еще не достаточно для того, чтобы *a priori* говорить об уголовно наказуемом сепаратизме.

Тем не менее некоторые российские ученые безоговорочно отрицают правомерность (конституционность) указанных действий. Вот один из их аргументов: «Конституция России не предусматривает право субъекта на односторонний выход из состава РФ — право сецессии. Поэтому любое официальное заявление подобного рода является прямым нарушением Конституции РФ, в частности, ее

¹ В нашем понимании *либеральная демократия* как результат синтеза либерально-гуманистического (ст. 2 Конституции РФ) и демократического (ст. 3 Конституции РФ) основополагающих начал конституционного строя Российской Федерации образует незыблемый политико-правовой фундамент конституционного строя Российской Федерации. Она является не просто процедурой народовластия, выборным (избирательным) механизмом (демократическая составляющая), но также самостоятельной политической идеологией, провозглашающей естественные (неотчуждаемые) права и свободы человека как высшую ценность (либеральная составляющая).

норм о государственной целостности России (ч. 3 ст. 4)¹. Но, во-первых, Конституция РФ не предусматривает, но вместе с тем и не запрещает право на сецессию, и, во-вторых, сецессия, на наш взгляд, имеет естественно-правовые основания в случае, если многонациональное федеративное государство сознательно (целенаправленно) не соблюдает общепризнанные на конституционном, а также международном публично-правовом уровнях принципы равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на его территории.

А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин, комментируя Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН)², отмечают важное обстоятельство: «...право на самоопределение не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее действия, которые вели бы к расчленению либо частичному или полному нарушению целостности или политического единства суверенных, независимых государств... Однако если государство проводит политику систематической расовой, национальной, религиозной дискриминации проживающих на его территории народов, то право на самоопределение, вплоть до государственного обособления дискриминируемых народов, мировым сообществом может не отрицаться»³.

Таким образом, в диспозиции ч. 1 ст. 279.1 УК РФ под сепаратизмом нами не подразумевается сецессия, принявшая характер политического протеста коренных народов (этносов), чьи принципы равноправия и самоопределения были умышленно (намеренно) нарушены Российской Федерацией. Но под их «намеренным попранием» понимается вовсе не единичное (казуальное) совершение отдельным должностным (или иным) лицом какого-либо противоправного деяния, повлекшего соответствующий общественно неблагоприятный результат, а образовавшаяся практическая невозможность для ущемленных в законных правах и интересах граждан-представителей определенной этнической общности восстановить социальную справедливость в той ситуации, когда дискриминирующий политико-правовой акт получает одобрение со стороны большинства привилегированных групп, обладающих высшей политической властью в государственных и партийных институтах (в результате чего внутригосударственное обжалование решений последних становится заведомо бесперспективным). Напротив, если допущенное частное нарушение принципов равноправия и самоопределения коренных народов (этносов) вызвало публичное государственное порицание (выразившееся, в частности, в рассмотрение вопроса о привлечении к юридической ответственности виновных лиц) и сопряжено с принятием правительственных мер по ликвидации (заглаживанию) ущерба (вреда), причиненного правонарушением, то легальных оснований для сецессии не имеется.

Как можно заметить, специфика проектируемой уголовно-правовой нормы состоит в том, что, с одной стороны, она устанавливает уголовную ответственность за сепаратизм (т. е. нелегальную сецессию), но с другой — конституционно-правовую ответственность самого государства за должное обеспечение принципов

¹ Смоленский М. Б., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Конституционное право Российской Федерации : учебник. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2009. С. 310.

² См.: Международное публичное право : сборник документов. Т. 1. М., 1996. С. 2–8.

³ Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. 4-е изд., пересмотр. и доп. М., 2010. С. 108–109.

равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории Российской Федерации. Более того, в соответствии с примечанием к ст. 279.1 УК РФ сецессия, совершаемая в антиконституционных, т. е. антилиберальных, антидемократических целях, признается сепаратизмом, в то же время сецессия считается правомерной, если она осуществляется с либерально-демократическими намерениями в многонациональном федеративном государстве, ставшем по различным причинам на путь антилиберального, антидемократического развития.

По нашему мнению, такой подход позволит не только в значительной мере устранить конкуренцию *принципа территориальной целостности* государства и *права этноса (народа) на самоопределение* в науке конституционного права, но и внести ясность в уголовно-правовое определение понятия «сепаратизм», остающееся до настоящего времени неоднозначным. Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.¹ под сепаратизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон». Как видно, признаки сепаратизма изложены расплывчато, в связи с чем представляется весьма сложным проведение его научного отграничения от сецессии. Причем основной смысловой акцент в дефиниции сделан на указание обязательности применения насилия, которое, однако, само по себе не объясняет сущности рассматриваемого феномена, т. к. свойственно многим преступлениям.

Обратим внимание на то, что применение насилия или угроза его применения не относятся к признакам объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 279.1 УК РФ. Напротив, те же действия, но уже сопряженные с организацией вооруженного мятежа либо активным участием в нем, а равно совершаемые с применением насилия или угрозой его применения, подлежат квалификации по ч. 2 ст. 279.1 УК РФ.

Наше толкование организации вооруженного мятежа и активного участия в вооруженном мятеже в контексте ч. 2 ст. 279.1 УК РФ не расходится с устоявшимися в учебной литературе представлениями, излагающимися в рамках уголовно-правовой характеристики сегодняшней ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж»². То же можно сказать и в отношении интерпретации термина «насилие», равнозначного прилагательному «насильственный», употребляемому в действующей ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» УК РФ³.

Если угроза применением насилия по смыслу ч. 2 ст. 279.1 УК РФ адресуется неопределенному кругу лиц либо конкретному гражданину при отсутствии признаков деяния, способного подлежать независимой уголовно-правовой квалификации, совокупность преступлений отсутствует, и, следовательно, содеянное будет образовывать только квалифицированный состав сепаратизма. Например, деятельность сепаратистов, сопряженная с угрозой убийством или причинением

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 41, ст. 3947.

² См., напр.: Российское уголовное право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 505.

³ См., напр.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2011. С. 946.

разной степени тяжести вреда здоровью, осуществляемой в адрес неорганизованного скопления людей (толпы), подлежит квалификации исключительно по ч. 2 ст. 279.1 УК РФ, поскольку дополнительная квалификация по ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК РФ, а равно иным статьям уголовного закона правовых оснований не имеет.

Если сецессия имеет легальные основания, но содержит признаки, указанные в ч. 2 ст. 279.1 УК РФ, содеянное так или иначе не должно рассматриваться как сепаратизм. Сказанное, разумеется, не исключает возможности привлечения к ответственности по иным статьям уголовного закона, если лица, совершившие общественно опасные деяния, действовали не в состоянии крайней необходимости либо превысили ее допустимые пределы (ст. 39 УК РФ).

Сепаратизм (ст. 279.1 УК РФ) – *формальный* состав преступления. При определении момента окончания «действий, направленных на...» судебно-следственным органам рекомендуется исходить из того, насколько была высока степень пригодности конкретных действий лица для достижения им главного преступного результата, а также насколько вероятно было достижение им главного преступного результата вследствие совершения определенных действий.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных обеими частями ст. 279.1 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Мотивы и цели виновных играют несомненную роль в доказывании события преступления, но вместе с тем не являются конструктивными признаками сепаратизма.

Субъект преступления – общий, т. е. любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Как представляется, смоделированная нами уголовно-правовая норма смогла бы внести вклад не только в укрепление внутренней безопасности Российской Федерации, но и в построение на ее территории подлинно либерально-демократического государства.